

Лев Повицкий (1885—1974) — ближайший друг Сергея Есенина, поэт и журналист. Начинаем печатать полный текст его воспоминаний, до сих пор известных лишь частично.

После знакомства с Есениным Повицкий был потрясен есенинской поэзией и, считая, что лучше Есенина писать невозможно, сам перестал стихотворствовать, перешел на журналистскую работу.

В газете "Трудовой Батум" в декабре 1924 года Повицкий опубликовал две статьи о поэзии Есенина, в которых дана наиболее высокая прижизненная оценка творчества поэта.

В МОСКВЕ

Литературная студия Московского Пролеткульта в 1918 году была притягательным центром для молодых поэтов и прозаиков из среды московских рабочих. Первыми слушателями студии были тогда Казин, Санников, Обрадович, Полетаев, Александровский и другие, вошедшие позднее в первое пролетарское литературное объединение "Кузница". Слушателем студии был и я.

Бродя однажды по широким коридорам особняка Морозова, в котором судобством расположились Пролеткульт, я наткнулся на спускавшихся с внутренней лестницы дома двух молодых людей. Одного из них я знал. Это был недавно поступивший на службу в канцелярию Пролеткульта крестьянский поэт Клычков. Он остановился и, кивнув на стоявшего с ним рядом молодого парня в длиннополой синей поддевке, сказал:

— Мой друг — Сергей Есенин!

Рядом с высоким, черноволосым, с резко выраженными чертами лица, Клычковым, — худощавый, светлицкий, невысокого роста Есенин казался женственно-хрупким и слабым на вид подростком. Это первое впечатление еще более усилилось, когда он улынулся и певуче произнес:

— Сергей Антонович меня здесь приютит у вас, — и он указал куда-то неопределенно вверх.

Позднее я к ним заглянул. Они ютились в получердачном помещении, под самой крышей. Большая, с низким потолком, комната была вся уставлена сборной мебелью: столами, тумбами, табуретками и мелкой древесной всячиной. По-видимому, эта комната служила складочным местом для ненужного и лежавшего внизу хлама. Здесь, у Клыčkova, и поселился недавно переселившийся из Петрограда Есенин.

В литературных кругах Петрограда Есенина хорошо знали и до 1917 года. В салонах любителей изящной словесности, заигрывающих с "монашески-смирненным" Клюевым, приветливо встречали и скромного "инока", младшего его "брата во Христе" — Есенина.

Богоискателей от литературы влекло к Есенину именно то, от чего он впоследствии сам публично отрекся, а именно — религиозный налет на многих его стихах раннего периода творчества.

"Я вижу — в просиничном платке,
На легкокрылых облаках.
Идет возлюбленная Мати
С плечистым сыном на руках...
(«Не ветры осыпают пуши...»)

"Позабыв людское горе,
Сплю на вырубках сучья.
Я молось на алы зори,
Причащаюсь у ручья...
(«Я пастух; мои палаты...»)

Религиозная окраска этих стихов вызвана была особыми условиями его жизни в детском возрасте. Баба, у которой он воспитывался ребенком, была женщина фанатически религиозная и таскала его по церквям и монастырям. В доме бабки вечно ютились всякие странники и странницы, распевались духовные стихи. Все это сильно сказалось на впечатлительной душе ребенка. С откровенной иронией поэт впоследствии говорил, что его ранние стихи потому нравились поэтам-символистам, что эти поэты сами недалеко ушли от наивного мировоззрения его бабки.

Монашески кроткие стихи 1914, 1915, 1916 годов успокаивающе действовали на встревоженную войной и предвестниками грядущей Революции салонную публику и вызвали сердечную симпатию к молодому, облаченному в самодельное крестьянское платье поэту. Нельзя не признать, что обаятельные черты лица на вид простодушного, скромного крестьянского юноши, с светло-лынящими волосами, с мягким взглядом голубых, почти синих глаз, — усиливали симпатию к начинающему поэту.

Есенин прекрасно понимал причины своего успеха в буржуазных и дворянских салонах столицы. В предисловии к "Собранию сочинений в двух томах", написанном им 1-го января 1924 г., он говорит:

"Литературная среда, в которой я вращаюсь в 13-14-15 годах, была настроена

приблизительно так же, как мой дед и баба, поэтому стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем смаком, от которого я отталкиваюсь сейчас руками и ногами. Я вовсе не религиозный человек и не мистик".

И в самом деле ряд стихотворений этого же периода его творчества характеризует его как строгого реалиста пушкинской школы, пылливо вглядывавшегося в близкий ему мир русской природы, в домашний уклад крестьянского быта, в полюбившийся ему с детства животный мир деревни.

Есенин стал баловнем судьбы уже с первых шагов своей поэтической карьеры. Его тепло встретили левые из лагеря символистов — Александр Блок и Андрей Белый; его ласкали и считали родственным по духу крайне правые из того же лагеря — Гиппиус и Мережковский; к нему с интересом присматривались и ярые реакционеры из монархистских кругов столицы.

Стихи его уже печатались отдельными книжками. Так, в заполненной им анкете Всероссийского Союза поэтов от 18/XI-24 года Есенин сообщает о себе, что до Октября печатался в издательствах "Аргус" и "Северные записки".

В 1916 году в Петрограде в издательстве Аверьянова вышла его книжка стихов "Радунница". В 1918 году были изданы "Голубень" в издательстве "Скифы", "Исус младенец" в издательстве "Сегодня". Для начинающего поэта это было большим успехом.

Рассказывая мне об этом раннем периоде своей литературной деятельности, Есенин, "под большим секретом", сообщил мне, как он однажды был приглашен в царский дворец.

— Не то через мадам Гиппиус, не то через кого-то другого из близких Мережковского некоторые мои стихи дошли до семьи Николая Второго. Сам он, по-видимому, был равнодушен к поэзии, но стихами моими заинтересовалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. Мне передали ее лестный отзыв о моих стихах и желание почитать меня для "серьезного разговора". Недолго спустя, я, в сопровождении двух совершенно мне неизвестных, но отрекомендовавшихся моими горячими почитателями лиц попал в апартаменты покойной императрицы.

Она меня встретила очень ласково. Похвалила мои стихи, сказала, что я настоящий русский поэт, и прибавила:

— Я возлагаю на Вас большие надежды. Вы знаете, что делается у нас сейчас в стране. Крамольники, внутренние враги подняли голову и сеют смуту в народе. Вот в такое время патристические верноподданнические стихи были бы очень полезны. Я жду от вас таких стихов, и мой сын был бы им очень рад.

— Что же ты ответил Марии Федоровне? — Я ей сказал: "Матушка, да я пишу только про коров, еще про овец и лошадей. О людях я не умею писать..." Императрица недоверчиво покачала головой, но отпустила меня с миром.

Если этот рассказ (кстати, он сообщил его по "секрету" не только мне одному) и представляет чистый вымысел Есенина, то он все же интересен в другом отношении. Он свидетельствует о том, что Есенин знал, какой он представляет собой "лакомый кусок" для различных общественных сил, борющихся тогда за влияние в литературе и в жизни. Завербовать в свои ряды высокоодаренного поэта, подлинного сына крестьянской Руси — это улыбалось каждой литературной группировке того времени.

По приезде в Москву Есенин очутился в затруднительном положении. С Зинаидой Николаевной Райх он разошелся, и собственное угла у него не было. Толстые журналы были закрыты и печататься было нелегко. Голод в Москве давал себя чувствовать все сильнее и сильнее. Надо было что-то предпринять.

После одной долгой беседы мы пришли к мысли открыть собственное издательство. Мы разработали Устав, согласно которому членами этого кооперативного издательства могут быть только авторы будущих книг. Из чистой прибыли 25% отчисляются в основной фонд издательства, а остальные 75% поступают в распоряжение автора книги. Есенин взял на себя подбор родственников по духу лиц для организации этого дела.

Первым он пригласил Андрея Белого. Как позднее он объяснил в своей автобиографии, — "Белый дал мне много в смысле формы".

В лице Белого он хотел продолжить связь с символистам, занимавшими тогда господствующее положение в поэзии.

К символистам, в частности к Александру Блоку, он определенно тяготел в пору своих поэтических исканий:

Мит. новости - 1992 - №3 - с. 12

"О, Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску".

"Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу,
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу..."
(«Запели тесные дроги»).

Конечно, эти строки — от Блока, а не от... Алексея Кольцова, которого он, ради "чести рода", называет своим старшим братом.

На первом организационном собрании будущего издательства нас было 5 человек: Есенин, Клычков, Петр Орешин, Андрей Белый и я. Название издательству было подобрано легко и без споров: "Трудовая артель художников слова". Роли членов Артели были распределены так: заботы о финансовой стороне дела были возложены на меня; ведение переговоров с типографией и книжными магазинами взяли на себя Есенин и Клычков; что-то было поручено Орешину, а Андрей Белый, восторженно закатывая глаза, заявил:

— А я буду переносить бумагу из склада в типографию!

Есенин тихонько мне шепнул:
— Вот комедиянт... и глазами и словом играет, как на сцене...

Когда возникли долгие споры и разговоры о том, как достать бумагу для первых 2-х книжек, Есенин вдруг произнес:

— Бумаги я достану, потом узнаете — как...

Все запасы бумаги в Москве были конфискованы, находились на строжайшем учете и контроле. Есенин все же бумагу добыл. Добыл тем же способом, какой он, несколько позднее применял в новом своем издательстве "Имажинисты". Способ этот был очень прост и всегда давал желаемые результаты. Он надевал свою длиннополою поддевку, причесывал волосы на крестьянский манер и отправлялся к дежурному члену Президиума Московского Совета. Стоя перед ним без шапки, он кланялся и, старательно окая, просил "Христа ради" сделать "божескую милость" и дать бумаги для "крестьянских" стихов. Конечно, отказать такому просителю, от которого трудно было оторвать восхищенный глаз, было немислимо.

И мы бумагу получили. Первой была напечатана книжка стихов Есенина "Радунница". В нее вошли циклы: "Радунница", "Вести о Николе", "Русь" и "Звезды в лужах".

Вслед за "Радунницей" вышли в свет "Голубень", "Сельский часослов", "Преображение", "Ключи Марии". По предложению Есенина мы ввели новое летоисчисление и на обложках наших книжек можно было читать: год 2-й, век 1-й.

Намечены были к изданию, как гласило объявление на последней странице "Преображения", книжки стихов Клыčkova, Орешина, Ширяева, Повицкого, Кузько, Спасского. Однако даже ненапечатанные книги "имеют свою судьбу": издательство неожиданно "лопнуло". Пришли ко мне Есенин и Клычков и объявили, что в кассе артели нет ни копейки денег, купить бумаги не на что и, следовательно, Артель ликвидируется.

Есенин взволнованно и резко обвинял во всем Клыčkova, утверждая, что тот, будучи "казначеем", пропил или растратил весь наш основной фонд. Клычков не признавал за собой вины и приводил какие-то путанные объяснения. Так или иначе, но продолжать дело нельзя было. Издательство "Трудовая Артель художников слова" перестало существовать.

После распада Артели материальное положение Есенина снова ухудшилось. Он временами переживал подлинный голод.

Характерен в этом отношении следующий случай.

Однажды Есенин с Клычковым пришли

ко мне на квартиру в Петровских линиях, где я тогда проживал. Поговорили о том, о сем, и я предложил гостям поужинать. Оба охотно согласились. Я вышел в кухню для некоторых приготовлений. Возвращаясь, "сервирую" стол и направляюсь к буфету за продуктами. Там хранился у меня, как особенно приятный сюрприз, довольно большой кусок сливочного масла, недавно полученный мною от брата из Тулы. Ищу масло в буфете — и не нахожу.

Оборачиваюсь к гостям и говорю:

— Никак масла не найду...

Оба прыснули со смеху. Есенин признался:

— А мы не выдержали, съели все без остатка.

Я удивился:

— Как съели? Ведь хлеба не было!

— А мы его без хлеба, ничего — вкусно! — подтверждали оба и долго хохотали, любуясь моим смущенным видом.

Конечно, только буквально голодные люди могут наброситься на масло и съесть его без единого кусочка хлеба.

Я решил временно увести Есенина из голодной Москвы. Я уехал с ним в Тулу к моему брату. Продовольственное положение в Туле было более благополучно, чем в Москве, и мы там основательно подкормились. Для Есенина это была пора не только материального довольства, но и душевного покоя и отдыха. Ни один вечер не проходил у нас впустую. Брат, человек музыкальный, был окружен группой культурных людей, и они тепло встретили молодого поэта. Ежевечерне Есенин читал свои стихи. Все написанное им он помнил наизусть. Читал он мастерски. Молодой грудной тембр голоса, выразительная смысловая дикция, даже энергичная, особенная, чисто есенинская жестикация придавали поэтическому слову его своеобразную значимость и силу.

Иногда он имитировал Блока и Белого. Блока он читал серьезно, с уважением. Белого — с издевкой, утрируя как внешнюю манеру читки Белого, так и содержание его потусторонних мистических пророчаний.

Часто Есенин пускался в долгие филолого-философские споры с собравшимися, причем философические его искания были довольно туманным порядком, типа рассуждений об "орнаменте в слове", позднее изложенных им в "Ключах Марии".

Доставляли огромное наслаждение музыка его речи, душевная взволнованность, напряженность мысли, глубокая убежденность в правоте своих исканий, необычная для того времени тема его откровений. Спорщики в конце концов затихали и сами с интересом вслушивались в густо насыщенную образностью и старо-русской песенностью импровизацию на тему об орнаменте в слове и в быту.

Эти вечера надолго остались в памяти гостей нашего дома. В эти дни глубокого политического перелома, дни рождения нового мира общественных и духовных ценностей, одухотворенная, идейно насыщенная речь этого синеглазого крестьянского юноши сама казалась явлением того же революционного процесса, вздыбившего всю нашу слишком застоявшуюся землю. И когда Есенин в подлинном душевном порыве бросал в зал призывы:

"Сойди, явись нам, Красный Конь!..
Мы радуго тебе дугой,
Полярный круг на сбрую, —
О, вывези наш шар земной
На колею ниую!"

глубокая радость охватывала слушателей: вот оно, всеильное, чудодейственное слово. Оно родилось, могуче живет, цветет и дышит на устах этого сына нашей родины — родины воскресшей, родины широко открывшей свои глаза на Божий мир, родины только что омывшей свои язвы и раны в собственной горячей крови...

(Продолжение следует)

1992 №3

Есенин Сергей